

Это особенная страница в писательской жизни — первая книга!

Не могу ручаться за все времена и за всех людей — но на моих глазах, свидетеля второй половины двадцатого века, было именно так. Жаль, до сих пор ни сами писатели, ни их исследователи не сложили ни саги, ни трактата, ни хотя бы просто сборника КАК ЭТО БЫЛО. Все разбросано по воспоминаниям. И далеко не обо всех книгах и авторах. Мне, по крайней мере, не повстречалось ничего подобного.

А тема и материал полезны, удивительны. И благодатны для понимания этой, мягко говоря, непростой человеческой стези — писательского творчества, изобилующего противоречиями и нескладностями.

Речь о высоком, а не о банальной литературной грамотности с бойко налаженным, сродни выпечке блинов, подмахиванием того, что именуется одним: «Чего изволите?» Рынок, конъюнктура, увы, не лучшие из учителей для творчества!

За каждой *первой* книгой писателя неповторимая история. У одной весьма триумфальная, с шумным выносом ее на чьих-то могучих руках к читателям.

У другой — натужная, когда в поте лица начинающий писатель прилежно учитывал замечания рецензентов и пожелания издателей. А книга не выходила, и все тут.

У третьих же, словно из небытия, рукопись книги выбиралась из дальнего и темного угла, куда приговорно попала по редакторской воле. Никак не по писательской вине.

В редакции художественной литературы былого Хабаровского книжного издательства стоял такой заветный шкаф для рукописей. На нем, на самом верху, поверх полка, всегда пылились папки с унылой судьбой, именуемой «возврат». Покорно лежали от самых тонюсеньких с бодрыми произведениями, жанра которых не определишь, до толстеннейших, с романами, оттягивавшими руки.

Как правило, там были произведения тех хабаровчан, кто не торопился забирать свои творения. Иногородним отправляли с легкой душой и без особых промедлений. Был даже такой как бы писатель, который говорил многозначительно и веско: «Знаете, моя рукопись лежит в издательстве...» Лежит и лежит себе.

В те былые времена я был заведующим редакцией детской и юношеской литературы и часто заглядывал к «взрослым» коллегам, попутно интересуясь и тем, что отправлено на макушку заветного шкафа. Нередко обнаруживались уникальные вещи, которые следовало бы непременно изучать в литературных кружках,

студиях и даже в вузах, на филфаках: как не нужно писать! Из некоторых я делал даже выписки.

В один из летних дней 1973 года, по привычке потянувшись к святым залежам, я снял очередную папку, раскрыл: Валентин Федоров! Очерки и рассказы. Матерь божья! Федорова — на «возврат»?!..

Я хорошо помнил Валентина Федорова с его прекраснейшими материалами на Хабаровском радио, куда в 1967 году сам пришел начинающим репортером. Это был признанный, с наивысшей журналистской квалификацией профессионал-очеркист! В те годы по своему мастерству и по характеру очерков сродни знаменитому на всю страну лауреату Ленинской премии Василию Пескову. На радио Федорова за глаза так и титуловали — наш дальневосточный Песков. С полным уважением!

И много лет спустя берусь утверждать: это было глубокое, точное соприкосновение журналиста с теми героями, о которых рассказывалось в очерках. Думаю, на родном Дальнем Востоке многим слушателям без радио так бы и не довелось встретиться с этими удивительными людьми. А как правдиво и просто говорили они! Заметим, это были радиоочерки — в которых звучали голоса героев. И люди, те самые, скромные и обычно неохотно, деревянно бубнившие в микрофон (живого слова не вытянешь!), с Валентином Федоровым общались так естественно и легко, что можно было только диву даваться: как ему это удавалось?!

Никаких личных отношений между нами не было. Общие коридоры. Общие совещания — радиийные летучки. Да короткие пересечения возле студий. В редакцию пропаганды, где он работал, заносило редко. Чаще всего Федорова и не было на месте — уезжал, улетал, уплывал за очерками в глубинку на неделю-другую, а то и на месяц. Хорошие очерки с лету не даются! И руководство всегда шло ему навстречу. В те годы журналистика вообще была куда профессиональнее.

Я выпросил рукопись — посмотреть.

Это был авторский сборник, добротнo переведенный с радиоформата на литературную основу. Часть очерков мне была знакома как раз в радиоверсии. Тем интереснее было сравнить. Ни один из них ничего не потерял — только стал ярче, сочнее, привлекал великолепным живым русским языком. И с особым, редко встречающимся и у признанных писателей *языковым психологизмом*, рисующим героев лаконично и точно, без авторских мазков, словесных довесков вдогонку. С кем бы Федоров ни повстречался, ни сходил там, в дальних краях, он уверенно раскрывал индивидуальность и красоту собеседников. Чаще благодаря их же коротким ответам. Авторским рассказом об их поступках, отзвуках их щедрой души. И как раз ею они тотчас привлекали тебя.

В большинстве своем это были северяне Приохотья и таежники Приамурья. Лично для меня именно Валентин Федоров раскрыл их как душевно особый, приветливый, отзывчивый и надежный народ, на каком только и стоять Отечеству, что бы ему ни перепало. Самое главное, эти люди были подлинными. Ничуть не надуманными, как водилось за бодрыми очеркистами, которым хватало лишь бегло взглянуть на предполагаемого героя, чтобы далее поспешно включить исключительно личное воображение.

Курибан Кушаков. Дед Тюшов. Водовоз Семенюк. Пастух — «мудрый эвенский парень» Колесов. Ветеринары Боярские. Рабкор Караев. Они сразу становились родными. И думалось: встреться с кем-то из них — заговорю, как с близкими.

Какая прекрасная книга!

И я еще раз поканочил у заведующей литературно-художественным отделом Любови Савельевны Овечкиной — передайте рукопись мне. Подготовлю ее сам.

Да, по штату не было положено. Но издательство выпускало тогда далеко за сто названий. И всегда что-то по разным причинам и поводам слетало. Следовало срочно закрыть брешь в плане. И при первом же случае я немедленно помчался к нашему директору Кирюхину, кто, отдадим должное, умел понимать редакторов и доверять им. Уже в декабре того же 1973 года книга была в наборе и вышла в свет в начале 1974-го.

Моего личного вклада совсем немного: короткое редакторское представление и название «Очарованный людьми».

По сей день храню выписку из его авторского предисловия:

«...Всякий раз я встречал людей, у которых была своя большая или маленькая дорога, проложенная в жизни его добрым сердцем, его необыкновенным мужеством, его редким упорством в труде, талантом и просто его великим даром уметь бескорыстно любить людей и помогать им в трудные минуты...»

«Уметь бескорыстно любить людей и помогать им в трудные минуты» — вот подлинность человеческой природы, которую выделял и разделял Валентин Федоров! Чего ныне так остро не хватает окрест.

Без малого тридцать лет спустя, в 2001 году, — так вышло! — я получил первый его автограф. На книге «Сюжеты странствий». В сущности, избранное. Так обычно под одной обложкой авторы собирают однажды самое дорогое, и чаще всего — под юбилей. Я немедленно раскрыл, стал листать. Да-да, вот они, дорогие и мне: и «Олений доктор», и «Последний день председателя», и «Счастливый характер», и «Полпред тундры, и «Дед Тюшов», и «Курибан»... Очерки и люди из его самой первой книги, с которыми Валентин Федоров не расстался до конца жизни.

